

Георгиевский крест

Сегодня - 1994 -
12 нояб. - с. 13.

Г. Данелия: путь пророка

Вертикаль

Я

сейчас скажу один очень умный вещь, только вы не обижайтесь. Георгий Данелия — это пророк божий на земле, мамой клянусь, да?

Их немного было, пророков, и всякого нетрудно было распознать по неуверенно, с оговорками ходившей за ними славе юмориста — именно по неуверенности и оговоркам. Ну какой из Чехова юморист?

Вот и из Данелии никакой.

Они по другому ведомству.

Они — люди в белых халатах. Целители. Надежда.

И сколько бы ни вписывали Данелию третьим к Рязанову и Гайдаю — до кучи, по принципу «рыцарь комедии», — а не будет он им третьим: и дар иной, и замах иной. Первый он, по всем параметрам первый, и по параметрам тем едва ли ему второго сыщешь не только на Руси, а и во всем крещеном мире. Потому что не было, пожалуй, на нашем веку человека, с такою же внутренней силой несшего людям святую идею любви к ближнему, как этот старый грузинский дядька — настырный, как врач, и язвительный, как врач: «Восемь баранов? А себя считал? Восемь — это с тобой!» Без агрессии, без обычного церковного понукания и устыжения, без лицемерного колокольного звона — а только силою негромкого убеждения — сложил он 13 фильмов о бытии божественной идеи на земле, о человеке разумном. И Пилаты отвали в смятении, и с поправками к нему не лезли, что только на первый взгляд странно, а как присмотришься — вполне закономерно (уж по крайней мере «Слезы капали» по степени внешней диссидентности — абсолютно польское кино, с виду только обывательское и безвредное, — да и «Марафон» из той же колоды).

Или тигровой шкуры испугались? Говорили же его герои с булыжником в руках: «Как брата прошу — не ходи сюда. Туда ходи». Пришлось идти туда.

Следующий абзац посвящаю своему другу Константину Гадаеву, поэту, герою и лицу кавказской национальности.

Когда бог лепил человека по образу и подобию своему, лучше всего ему удалось раздолбай. Птички божии, читты-гритты, готовые сию минуту махнуть за границу за шампанским с паспортом брата-близнеца, угадать по анализу мочи, с какой ступеньки сверзилась больная, и перетащить корову по воздуху, аки статую Христа в «Сладкой жизни»: «Страус пошел!» — воистину он сверху на них любовался. Когда Данелия лепил человека по образу и подобию божью, больше всего ему удалось тоже раздолбай — «Мимино», «Не горюй» и «Паспорт», летчик, доктор и таксист — лучшие люди на земле после индейцев. Пьют с ладони вино, поют в телефон, дергают стоп-краны и засоряют эфир югославскими сапогами 42-го размера. «Ларису Ивановну хачу!» — дикари, вольтеровские простодушные, дети гор, видящие мир неиспорченным глазом ребенка, равно патриоты и космополиты, забияки и пацифисты — не зря из всех своих героев лишь их, раздолбаев, Данелия удостоил чести быть грузинами: похоже, лишь горцам дано сочетать в душе гордыню и простодушие, каток и скрипку, зверский патриотизм с редкой степенью надмирности. Бог сидел в рваном

достаточно, думали в ответ студенты-вечерники, водители поливалок и продавщицы газированной воды. Жили в чисто вымытом городе хорошие люди — до такой степени зеленые и необстрелянные, что искренне изумлялись глупой злобе и подозрительности людей в летах — и мимохожему доброхоту, рекомендовавшему сто уколов от бешенства, собаку на живодерку, а хозяйку под суд, и парковому дураку, кричавшему о банде гипнотизеров, и ворчунам в магазине грампластинок, где такая чудесная девушка за прилавком. «— А почему Робертино Лоретти больше не поет? — Подросток».

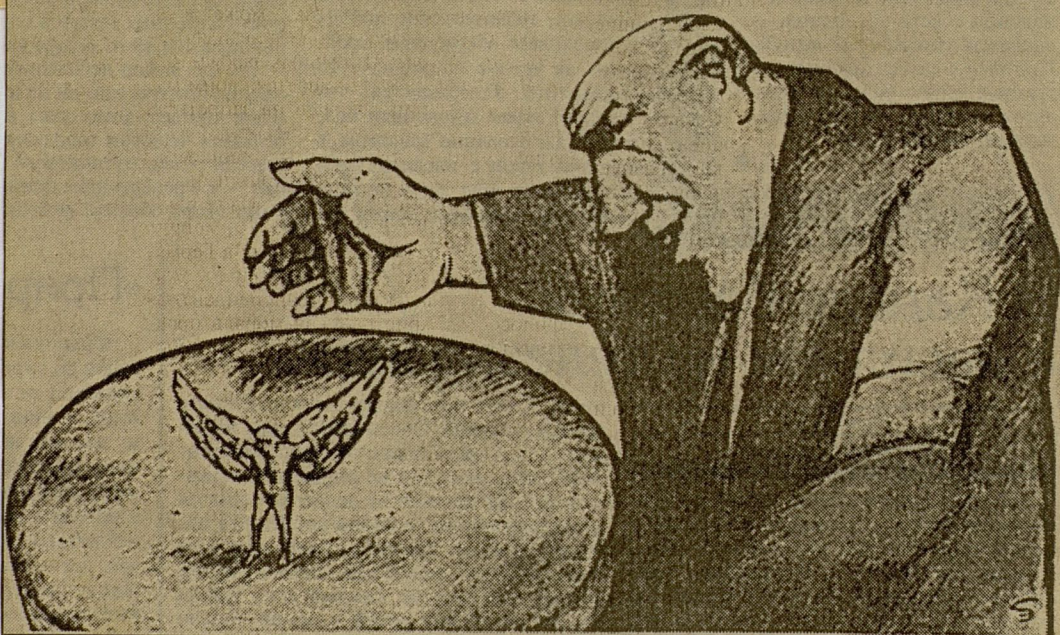
Это со многими случается. Раньше пели про тайгу, летний дождь и гоп-стоп — теперь ворчат про тайгу, летний дождь и гоп-стоп. «Зануды, — говорил Рондарев, — самое большое зло на земле. Ибо чем больше люди общаются, тем меньше они враждуют, а зануды общению препятствуют». Задолго до того, как эта мысль была сформулирована, Данелия воплощал ее в своих картинах, где не было отрицательных персонажей, а были зануды — как у Чехова, кстати. Басовский полотер. Дежурная по станции, которая петь не велела (не совсем конченый человек, потому что под конец все же позволила). Потерпевший Папишвили, запершийся в туалете. И даже дядя Петя, сунувший мальчику пустую конфетную обертку, был сначала пошляк, ничтожество, зануда, а после уже сукин сын. Зануды придумали границы («Паспорт»), понатыкали меж людьми полосатых столбов, польский зануда не пустил на порог в выходной, а заполошные эмигрантские зануды превратили непутевого лихача-таксиста в эмиссара КГБ.

В «Осеннем марафоне» малодушного чеховского страдальца Бузыкина окружало сонмище зануд, забившее все поры его жизни: жена, любовница, любовницы отчим, иностранный профессор, пьюха-сосед, бездарная сослуживица, серые студенты, рвавшие на части его душу резиновую-безразмерную и растащившие наконец во все стороны длинными соплями, как сыр по сковородке.

То же и у Васина («Слезы капали»): жена-курица, сын-свин, невестка-лиса, начальник-медведь — все в общем люди не отрицательные, но как напрыгнут скопом в промозглый понедельник — так хоть под столом их крести и подпирай дверь кодом: круг меловой видали? За него ни ногой, а то пасть порву (в главной роли Евгений Леонов).

Так, покончив с чистыми, Данелия сделал ни много ни мало диалог об искушениях доброго самаритянина — всепрощения и всеосуждения. Снял двух антиподов, две крайности одного характера — исусика и домашнего торквемаду, ходячую индугенцию и выездной господень трибунал. Бузыкина и Васина, ангелов из соседнего подъезда, с которыми вместе любой стоял в очереди за морожеными курами.

«Осенний марафонец» Бузыкин — бесхарактерный ангел подаяния, окруженный таким количеством взыскующих лап, что рука его под конец оскудевает. «Скажи, я бездарная?» «Андрей, ты меня бросил?» «Вы что, в туалет хотите?» «К тринадцатому успеешь?» «Андрей, я алкаю?» Жене не ври, любовнице ври, с соседом пей, с Биллом бегай, Шершавникову на скабрзности хихикай. А тут еще детям пой в микрофон с нелюбимой женой Ниной Евлампиевной, да повеселей, а не как на поминках, — а как еще можно с Ниной Евлампиевной петь? Пусты погреться, а то так с переводом зашиваюсь, что штраф не на кого выписать. А чуть что — шантаж: сердце покалывает, в окно выброшусь, за Пташуку выйду. Тостуе-

платье на горе и сердито сморкался, как писал еще один парадоксов друг и Данелиин соратник Ираклий Квирикадзе.

Той же идее Большого Стола, за которым никто у нас не лишней, и бог примостился с краешку, сациви кушает, — посвятили жизнь и остальные единовещы и соотечественники Данелии от Габриадзе до Иоселиани. Тридцать лет и три года прожив за морями — за долами, не устают они попросветительски твердить, что люди все произошли от обезьяны, что грузина отлично играет француз и вообще все эти русские на одно лицо, как сказали четыре близнеца-японца, увидев в лифте высокого усатого Кикабидзе-Мимино и маленького толстого Мкртчяна-Хачикяна, царство ему небесное. Что у всех общие негритянские папы, французские подружки, американские шлюхи и английский дедушка, так что давно пора воткнуть штыки в землю, закопать все оружие в овраге под Ахашени и учить языки. Квирикадзе своим любимым героем — штатным осеменителем санатория для бесплодных — даже намекал, что все люди на свете произошли от грузин, но это спорная, хоть и прогрессивная теория. Зачем воевать с Джонами, если сам немножко Джон? К чему распри, если твоя родина во всех справочниках зовется так же, как один из Соединенных Штатов? Ты, бичо, из Джорджии? Так и я из Георгии!

С Георгиевой земли.

Гогия-Гогия, шантаурия-гогия,

Гамарджоба, генацвале, режиссер Данелия-а-а! (Частушка.)

К теме раздолбайства Данелия впервые приблизился в картине «Я шагаю по Москве» — о людях хороших. «Этого мало», — гундел демагог-полотер в исполнении Владимира Басова. Вот уж

мый пьет до дна. Андрей, вы готофф? Готоф, готоф, давно готоф.

Васин — из другого теста, крутого помола. Он ангел истребления, иная крайность церкви божьей. Добро силком. Правду на стол, и чтоб отскочить не успели. Он от суеты не бегаёт, а глушит ее динамитом. «Зачем в твоём возрасте красить губы? Кого ты хочешь обольстить? Кикимора» «Там ребенок разлагается, а всем наплевать. Нехорошо» «Дай магнитофон — запишу, как ты хранишь. Тридцать лет терпел — хватить» «Вот здесь присутствует Тетерин, Весь коллектив ужасно рад. Давайте ж, чувствуя потерю, Тетерю поцелуем в зад!» «А мыло кто у меня на фронте спер?» От него все шарахаются, а он рад: правда должна быть величавой и глаза есть. А у самого в глазу андерсеновский осколок зеркала.

Правды то есть.

Поплачь — и правду из глаз вымоет. Будешь как все — добрый хомичок. Будут тебя любить.

Как немного людям надо.

Да, немного. Мальчику Сереже — каждую ночь засыпать с чувством: правильно живу. Девочке Насте — сначала стать картинкой, а потом стать, как было. Никулину из «Пути к причалу» — чтоб третий ушел. Геку Финну — вылезти сухим из воды и пройти в игольное ушко.

Всего-навсего.

И в то время как вся кинематографическая рать до умори гоняла мяч с парнями в красных футболках, Данелия летел по небу полуночи шагаловским несерьезным ангелом с лудкой и давал каждому, чего у того еще нет. Десятью хлебами народ кормил, рай в Хо-могорах строил, чувства добрые лирой пробуждал.

Парит и поныне.

Небесный тихоход.